

Тодд Нелли

Вопреки всему (роман о Суини Тодде)

Глава 1. БЕНДЖАМИН БАРКЕР

— Сильнее!

Плеть с резким свистом рассекает обнаженную спину осужденного, разбрызгивая капли крови по сухой пыли.

— Семьдесят пять! Семьдесят шесть! — отрывисто отсчитывает надзиратель.

Из-под навеса раздается зычный голос коменданта:

— Он попадается уже не в первый раз! Давай же, проучи его как следует!

Тонкое, но сильное тело изгибается, содрогаясь от дикой, отчаянной боли. Рослый солдат наносит удары так, словно хочет разрезать его пополам.

— Держись, Бен! — доносится из толпы заключенных. Властный окрик, короткая возня, и ропот затихает.

Еще удар, мучительно-жестокий, но Бен не издает ни звука. Когда тебя травят эти сторожевые псы, стоны разжигают их ярость сильнее крови. Застонать, пусть даже раз — значит поцеловать перед ними пол. Насмешки палачей унижительнее наказания. Здесь, в каторжной колонии, в забытом Богом уголке Австралии, существует лишь один закон — беззаконность угнетения, и те, кто носит форму и оружие, считают себя полными хозяевами тех, кто носит цепи. Виновны или невиновны — все осужденные равны. Страдания порой так велики, что совесть вряд ли мучает сильнее, чем голод, унижения и страх. А если ты не совершал никакого преступления?! Если загнан в этот жуткий ад на краю земли не за что-то, а **ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ?..** Тогда, страшнее всяких пыток, тебя сжигает изнутри слепая горечь, не дающая дышать — месяцы, годы — и, наконец, перерастает в невыносимую жажду мести!

Прошло почти **ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ**. Звучит, как намогильная надпись, прочтенная вслух...

Пятнадцать лет назад у Бенджамина было все. И это не богатство, власть, могущество, не титул короля. Но он был счастливее тех, кто имел только власть — потому что у него **БЫЛО ВСЕ!** Маленькая уютная комнатка

на чердаке, большие планы на будущее. Он жил здесь вместе с красавицей-женой и дочерью-младенцем. Наивный молодой цирюльник и его жена в крохотном тихом мире...

И вот однажды все разбилось — мгновенно, как разбивается хрусталь.

На свете, как ни странно, есть люди, способные доказать, что правда лжет, а снег — чернее сажи. Это люди со связями — пауки в центре огромной паутины, которую для своего удобства они зовут законом.

Обрывки фраз, казалось бы, не предвещающих беды, все до единого засели в его сердце, как осколки, и эхом отдавались в памяти даже спустя пятнадцать лет.

— Дорогой мистер Баркер, — любезным тоном обращается к Бену лондонский судья, как-то странно поглядывая на Люси, его жену, и та смущенно отводит в сторону глаза, укачивая ребенка. — Вы прекрасный человек и достойны блестящего будущего. Я хотел бы... — Он делает многозначительную паузу, — поручить вам миссию, которая изменит вашу жизнь!

Высокий гость, один их постоянных клиентов искусного цирюльника, всегда изысканно галантен и нередко выказывает ему свое благоволение, однако это неожиданное предложение заметно превышает меру обычной благодарности.

— Что нужно сделать? — настороженно спрашивает его Баркер.

— Вы поедете в Бристоль — завтра вечером! Вот документы, рекомендательные письма... Дело займет всего лишь... несколько месяцев, — изрекает судья Торпин, словно речь идет о безделице.

— Я не могу оставить так надолго жену и дочь! — горячо восклицает Бенджамин.

— Но это **НЕОБХОДИМО!** — Короткая фраза звучит, как приказ.

Бен не подчинился приказу. Каким бы наивным не был юный цирюльник, у него возникло подозрение, что судья положил глаз на его жену. Ему тогда не приходило в голову, насколько далеко способна зайти несправедливость, как просто власть имущим убрать препятствие с пути. Но вскоре первые удары сбили его с ног: по нелепому обвинению в краже он попал за решетку. Бенджамин до последнего не верил в свою гибель, пока не выслушал чудовищный приговор в суде.

— Пожизненная каторга в британской колонии в Австралии! — прозвучало, точно выстрел, и в сердце ему врезались беззвучные отчаянные слезы Люси,

громкий плач маленькой Джоанны на руках у матери... и короткий отрывистый стук молотка.

Свершилось. Его бесчестно обвинили в том, чего он не совершал, и отправили туда, откуда не вернуться назад. Австралия — неизвестный дикий мир на другом конце земли, Австралия — значит смерть!..

— Отвязывай! — раздаётся короткий приказ. Сабля со свистом разрубает веревку, и Бенджамин без сил соскальзывает наземь, падая на колени в пыль. Еще секунда — и его израненное тело скатится под ноги палачу. Но прежде осужденный успевает вскинуть голову, и пронзительный взгляд окруженных красноватыми тенями черных глаз заставляет ненароком вздрогнуть самого коменданта...

— Выпей немного. — Чья-то рука настойчиво треплет Бена по щеке, и в его пересохшие губы упирается край глиняной миски. С усилием он отрывает голову от земляного пола, делает несколько глотков, вдыхает тухлую сырость барака и срывается на кашель.

— Завидую твоему мужеству, если тут вообще есть чему позавидовать!
— подбадривает Бена старый негр. Кто, как не он, приносит ему воду после порки. Они прибыли сюда в одном трюме, скованные одной цепью. Черный и белый. Оба отверженные, все равно, что казненные, вычеркнутые из списка живых. А с ними — еще сотни. Многие уже по-настоящему мертвы...
Последние бесспорно счастливее.

— Спасибо, Том... — Бенджамин тяжело опускается на подстилку из гнилой соломы. До странности бледный, с черными волосами и серебристо-белой прядью над правым виском, тонкими чертами лица, истощенного лишениями, он похож скорее на призрака, чем на живого.

— В следующий раз сбежишь — тебе точно не выжить. Я бы ни за что больше не рискнул! — Оставив Бену миску, Том с тяжелым вздохом ложится рядом у стены. Тело его, выносливое, закаленное, все еще верно служит своему хозяину, только теперь хозяин не прикажет ему лишнего: довольно вытерпел. Что толку попусту зарабатывать удары? Свободы за них не купишь. На воле, было время, трудился не покладая рук, а в награду — жалкие гроши; сроду не был вором, а украл... Да стоит ли об этом вспоминать? Веки Тома утомленно смыкаются, и его суровое неподвижное лицо словно становится частью полумрака. Иногда нужно закрыть глаза, чтобы увидеть свет. Хотя бы ненадолго — слабый проблеск, тлеющую искру, пусть даже не наяву.

Вскоре двери барака крепко заперли, барабаны проббили отбой. Ночи здесь порой чересчур коротки. А дни... О, лучше б вовсе не рассветало!..

Двое суток промелькнули для Бенджамина в полубеспамятстве. Лихорадочный бред, пробуждение, бессилие, боль и снова тьма — перед открытыми глазами... По утрам и поздно вечером Том приносил ему пить и немного еды — скудную пищу, приготовленную заключенными, или нечто на нее похожее. Прикладывал к израненной спине товарища пропитанные мазью полоски ткани, — немного, чем мог помочь тюремный доктор, — но это не облегчало страданий Бена: все его тело горело как в огне.

Ночами в потемках душного барака, наполненного тяжким дыханьем спящих заключенных, его преследовали странные видения. Вот она снова перед ним — та самая дорога между скал, по которой арестантов под конвоем сопровождают каждый день на угольные копи и обратно. Все остальные пути закрыты. Значит ли это, что их не существует?.. Пыль, рыжеватая в свете вечернего солнца еще не остыла, ветер вздымает ее и порывисто дует в лицо. Мерные шаги вперед без цели, слепо, подневольнo, по приказу, монотонное бряцанье цепей...

«Эй, номер тридцать восемь! Встать немедленно!» — Свист плети, приглушенный стон и снова гневный окрик: «Я проучу тебя, ленивая собака! Встать, кому сказал!» Упавший силится подняться, но грубые удары отбрасывают его наземь. И вдруг две или три пары рук оттааскивают надзирателя от жертвы. Брань, торжествующие, яростные крики; с десятков заключенных окружает его тугим кольцом... «Стоять!» — Лязг оружия и, один за другим, несколько выстрелов в воздух. Бен замирает, словно пуля пронзила его насквозь — лихорадочно-стремительная мысль искрой вспыхивает у него в мозгу: «Сейчас!» Рядом, справа от него между скал вьется узкая тропинка. В его распоряжении короткий промежуток времени между щелчком затвора и вторым предупреждением... Охрана с ружьями на изготовке не увидит, как позади них убегает арестант. Еще секунда — и потасовка прекратится!..

Некогда раздумывать и сомневаться! Беззвучно, словно тень, Баркер метнулся под покрытие скалы. Никто не решился бы, а он это сделал! Зачем?! Как вообще он очутился в самом конце колонны? В своем безумном, отчаянном порыве Бен даже не заметил, что бросился в сторону моря вместо того, чтобы добраться до диких труднопроходимых джунглей и затеряться в зарослях. Что на него нашло? Нет, это бред, кошмары воспаленного сознания!

Две ночи напролет ему мерещились извивы бесконечной, убегающей из-под ног тропы, расщелины, уступы, отвесные обрывы. За плечами сухо щелкали ружейные затворы, где-то в тумане беспокойно шумело море... Сдаваться рано! Еще усилие... Он выберется! Он уверен — ему есть ради кого бороться и выжить вопреки всему!..

Только к утру, очнувшись от мучительного сна, Бенджамин понимал, что

самое ужасное произошло с ним наяву, а призраком оказалась лишь свобода. Случаи для побегов предоставлялись довольно часто. Для неудачных побегов. Уж лучше бы он был закован в кандалы! В который раз его схватили и вернули...

Впервые Бен пытался вырваться на волю, не отбыв и года заключения. Отбросы человеческого общества, окружавшие его, бесчеловечная жестокость надзирателей, растаптывающая в прах достоинство и личность, толкали Баркера на самые безумные поступки. Чудовищная обстановка, немыслимая цивилизованных людей, и впрямь кого угодно могла лишит рассудка. Еще неопытный и одинокий среди всей этой пестрой братии воришек и авантюристов, Бен вызывал их дружный смех своими тщетными попытками добиться справедливости. Значение этого слова здесь искажалось до неузнаваемости. Дерзкие порывы пробиться сквозь барьер запретов и затворов снова и снова приводили его в тупик. Только смерть могла открыть ему все двери, взломать решетки и разрушить стены. Но Бен упорно искал не смерти, а спасения. Свободные, не скованные и не связанные, не огражденные препятствиями камня и железа, люди даже не подозревают, какой прекрасный дар — принадлежать лишь самому себе и тем, кто тебя любит, бежать навстречу ветру, дышать, не думая, насколько хватит воздуха. Для каторжника каждый ломоть хлеба — это день, украденный у смерти, а каждый вдох во тьме сырого карцера украден у других несчастных, заточенных вместе с ним. И как бы не старались вы представить себя на месте обреченных на цепи и нечеловеческие муки, вам не привидятся в самом ужасном, лихорадочном бреду те испытания, что довелось им вынести лицом к лицу с реальностью. Первая порка за попытку бегства была для Бенджамина самой жуткой за все время заключения. Последующие, порою более жестокие, уже не вызывали в нем такого ужаса. Физические наказания назначались за малейшую провинность, а бегство с каторги каралось особенно сурово. Бенджамин был приговорен к пятидесяти ударам плетью и месяцу тюрьмы, где пищи выдавали ровно столько, чтобы продлить страдания, но не спасти от них. Во сне ему порой казалось, что его измученное голодом и болью тело умирает, освобождая истомившуюся, израненную душу. Тогда он ощущал неопишное облегчение, почти блаженство — и тут же судорожно цеплялся за свою загубленную жизнь: она нужна была ему, чтобы вернуться.

Второй попыткой Бена был дерзкий план пробраться вместе с Томом на корабль, доставивший в колонию продовольствие из Сиднея. Но боцман вдруг перед отплытием надумал спуститься в трюм и обнаружил беглецов. Обоим полагались порка и тюрьма. Со временем упорство Баркера вызвало симпатию и одобрение среди преступников, которые в неволе больше всех на свете презирали плакс и слабаков, считая эти качества самыми низкими пороками.

Прошло почти шесть лет, а Бен уже два раза бросил вызов смерти и гнету

заклучения. А что давал ему такой суровый опыт? Ничего, кроме шрамов от плетки и двойных кандалов. Но заключенные теперь уже не смели над ним смеяться, хоть и не признавали его вполне «своим». Бенджамин Баркер был каким-то странным, как будто из другого теста. Его незыблемые принципы и убеждения считались неуместными в среде, где грубое понятие о превосходстве диктовало совсем иные правила. И первое из них гласило: «либо ты охотник, либо — дичь». То был неписанный закон любой тюрьмы. Бенджамин оставался вне игры, не угождая сильным и не подчиняя себе слабых. Он был неразговорчив и доверял свои секреты только Тому. Никто не слышал, чтобы он смеялся, никто не видел его слез. Он научился молча выносить удары плети и говорить, когда считал необходимым. Надежда обрести свободу была единственным стремлением, которое поддерживало в нем отвагу. Однажды ночью он воспользовался тем, что надзиратель ненадолго отлучился, и в третий раз попробовал сбежать и переплыть залив, после чего был снова схвачен и приговорен к жестокой порке, карцеру и ряду штрафных работ. Он греб на шлюпках, строил мол по грудь в воде, молот кайенский перец. Последнее считалось самым страшным наказанием: едкая пыль разъедала глаза, а легкие жгло, как в огне. Что еще можно было придумать, чтобы сломить его дух? После четвертой попытки побега с тем же верным товарищем, негром по имени Том, оба отправлены были туда, где безграничное небо и вечно зовущее море больше не будут их искушать — на угольный рудник*. Четыре года в тяжелых кандалах ушли для них на долгую дорогу в самые недра этой проклятой земли, вглубь темного тоннеля и обратно — в барак для заключенных. Дни медленно ползли по замкнутому кругу. Море шумело где-то далеко, за каменной грядой, а небо словно отвернулось от них. Тогда два друга притворились покоренными, усердно выполняя свою работу, и вскоре за терпение и послушание с них сняли кандалы...

— Комендант распорядился, чтобы этот заключенный снова был закован в цепи и заперт в карцер на две недели! — раздался гневный голос надзирателя. — Следовало посадить его еще два дня назад вместе с теми бунтарями, что учинили драку.

Бенджамин вздрогнул. Приоткрыв глаза, он разглядел в потемках опустевшего барака две пары башмаков на уровне своего лица. Все остальные заключенные, по-видимому, находились на руднике.

— Но мистер Бейс, он еще слишком слаб. Это убьет его! — вежливо, но твердо возразил его спутник.

— Вы каждый раз так говорите, доктор Браун, когда кого-то надо наказать! — довольно резко бросил ему Бейс. — Все эти плуты превосходно притворяются! Держу пари, что он поднимется мгновенно, если я высыплю ему на спину жменю соли!

— Не забывайте, что я — доктор, и меня не так-то просто обмануть!
— повысил голос Браун, возмущенный этой грубостью. — За что вы ненавидите своих товарищей? Ведь вы не так давно таскали бревна вместе с ними!

— И если не исполню приказа коменданта, то снова буду их таскать, — отрезал Бейс. — Я, как вы сами говорите, — такой же каторжник, а потому получше вашего знаком с их фокусами и уловками. Когда нам надо притвориться мертвыми, то мы умеем даже не дышать! — с вызовом прибавил он.

Спорить с ним дальше не имело смысла. Не считая личной антипатии к Бенджамину Баркеру, Бейс был звеном искусно продуманного механизма — такие звенья приводил в движение один большой рычаг. Заключение, назначенный надзирателем, был избавлен от тяжелого труда и издевательств, но прежние товарищи по ссылке видели в нем своего злейшего врага, что отрезало ему путь назад. Стараясь удержаться на посту и неуклонно выполняя предписания начальства, надзиратель поневоле становился столь же беспощадным, как солдаты. А их отряды, набираемые для службы в каторжных колониях, состояли из людей отнюдь не лучших...

Так, несмотря на доводы доктора Брауна, Бенджамин Баркер в то же утро под охраной был препровожден в тюрьму, которая располагалась на берегу залива.

Уже пять раз он безуспешно пытался вернуть себе свободу, и в пятый раз его надежды разбивались в прах. Сейчас, после жестокой порки, запертый в карцере, одно упоминание о котором внушало страх даже законченным преступникам, какой еще, более суровой меры наказания мог он ожидать? Есть ли место глубже и чернее, чем подземные угольные копи? Разве только ад...

Каторжная тюрьма, построенная на скалистом берегу, стояла к северо-востоку от барака, обнесенного высоким частоколом, где жили заключенные. Ее угрюмо-серые приземистые стены казались высеченными из скалы самой природой. Но то была иллюзия: на дикой, до сих пор еще неизведанной людьми земле эта тюрьма была построена руками каторжников. Чуть поодаль помещались лазарет и солдатские казармы. Рудник располагался южнее частокола. Добраться туда можно было по извилистой каменистой дороге между скалами. На западе, за каменной грядой, тянулись густые, непроходимые леса.

В этом мире, отрезанном от цивилизации, с его дикими джунглями, неприступными скалами, и рокочущим морем, самым жутким, поистине проклятым местом являлась тюрьма. В ее подземных карцерах, так называемых «крысиных норах» с низкими каменными сводами, запирали

по пять или даже по шесть арестантов и держали там неделю-две, а то и дольше, в кромешной темноте. Единственной отдушиной было зарешеченное окошко в железной двери. Через него, не чаще, чем раз в сутки, приоткрыв решетку, в камеру бросали малопригодные для пищи черствые отбросы, которые вслепую «делились» между заключенными. Само собою, доли не бывали равными: пользуясь темнотой, самые сильные старались отобрать себе как можно больше.

Название «крысиная нора» имело смысл куда более ужасный и отвратительный, чем замкнутое, тесное пространство. Те, кто хоть однажды попадал туда, клялись, что лучше вытерпеть три порки сряду, чем заключение в подобном карцере. Говорят, что крысы, запертые в клетке без еды, вскоре начинают пожирать друг друга, и в итоге остается лишь одна — «крысиный волк». Теряя человеческие качества, люди становятся во многом схожи с крысами и волками. Нередко при обходе часовые находили кого-то из заключенных умершими, якобы от истощения или от недостатка кислорода, во что легко было поверить, исключив такие обстоятельства, как яростные драки за жалкие куски сухого хлеба и жилистого мяса. Поскольку в камере сидела сразу группа узников, и все происходило в полной темноте, виновных даже не пытались отыскать.

В одном из этих жутких тупиков, где зрение бессильно перед непроницаемой могильной чернотой, а тело живет лишь осязанием и обостренным слухом, был заточен сейчас Бенджамин Баркер. Спертый воздух, пропитанный сыростью подземелья, был настолько тяжел, что дыхание походило скорее на затяжное удушье. Только, если прижаться лицом к самой решетке, можно было вдохнуть слабый сквозняк, но и это едва уловимое дуновение подбадривало лишь тех, кто сидел у двери. Временами в камере раздавались ругань, сдавленные стоны и гулкие удары о железо — это зажатые между стеной и телами своих соседей заключенные прорывались к спасительной отдушине. Им, в свою очередь, не без усилий, удавалось продержаться у окошка несколько минут, буквально ощущая затылком горячее дыхание остальных.

Так продолжалось днем и ночью; дни были беспросветно-темными, ничем не отличаясь от ночей. Но были ежедневно две или три минуты, по которым арестанты безошибочно определяли время суток — вечер, когда тюремщики приносили им воду и «еду».

Однажды, вскоре после привычного обхода, в коридоре снова раздались шаги.

— Сколько заключенных в этом карцере? — прогудел чей-то властный голос.

— Шестеро, — последовал ответ.

— Отпирай!

— Но... ведь их уже **ШЕСТЕРО**, — озадаченно повторил подчиненный.

— Надо их проучить! Отпирай, говорю!

В скважине со скрежетом повернулся ключ, дверь приоткрылась, и вместе с потоком сырого воздуха в душную камеру, согнувшись, влетел худой, высокий юноша в разорванной рубашке. Перед ослепленными светом фонаря арестантами промелькнуло его бледное, искаженное ужасом лицо.

— А, это ты, Цыпленок! — ухмыльнулся один из узников. В его басистом голосе, похожем на звериное рычание, сквозили жадность изголодавшегося хищника и глубочайшее человеческое презрение. — А я уж думал, что ты так и будешь прохлаждаться на кухне в комендантском доме, пока мы тут грызем сырую землю на руднике! Недолго же тебя держали на господском хлебе!

Отбросив с разбитого лба пряди слипшихся светлых волос, юноша замер, уставившись на лысого круглоголового гиганта, похожего на крупную гориллу из африканских дебрей.

— Джим Траверс! — выговорил он дрожащими губами.

В ту же секунду дверь захлопнулась. Камера погрузилась в темноту. Пока за поворотом коридора не затихли удаляющиеся шаги тюремщиков, в карцере слышны были только хриплое короткое дыхание и приглушенное бряцанье цепей.

— И как теперь нам всемером ютиться в этой собачьей конуре? — угрюмо бросил кто-то, крепко выругавшись.

— Вот что, Цыпленок, — прошипел с угрозой Траверс из своего угла. — В этой гостинице места заказывают наперед. Но мы уступим тебе самое почетное: все сидят, согнувшись в три погибели, а ты будешь **ЛЕЖАТЬ!** А ну топчи его, ребята! Подстелем его под низ! — И говоривший что есть силы ударил новобранца подкованным железом каблуком.

— Не-е-е-ет! Помогите! — Каменные своды содрогнулись от истошных криков, которые тюремный сторож принял бы за звериный вой, окажись он среди леса.

Огромное, со множеством цепких, как щупальца, рук и железных копыт, чудовище с утробным рычанием заворочалось в своей берлоге, оплетая тело своей жертвы, как змея тугими кольцами обхватывает мелкую добычу, чтобы задушить.

— Выпустите! — Придавленный невероятной тяжестью, юноша снова закричал, на этот раз уже слабее, и хриплый стон заглох, так и не вырвавшись из зарешеченной отдушины. — О Боже!..

Его безжалостно топтали, как топчут виноград на винодельне.

— Эй, выпустите господина! — раздался издевательский смешок. — Его апартаменты наверху: там спальня с видом на залив, роскошная кровать под балдахин... и мраморная ванная!

Раскатистый злорадный хохот, одобрительная брань... Снаружи никто не отозвался. Еще немного, и от юноши осталось бы сплошное месиво. Внезапно резкий, напористый толчок — случайно или намеренно? — отбросил грузно наседающую плоть с его лица, и чья-то скованная цепью твердая рука нащупала его плечо, как будто подавая знак подняться. Со свистом жадно втягивая воздух, юноша из последних сил вцепился в эту руку израненными пальцами, как утопающий хватается за весло гребца, и вынырнул из удушающего вязкого болота сплетенных тел.

Его преследователи вслепую расталкивали друг друга.

— Он ускользнул как угорь!

— Где он?..

— Это что еще такое! — яростно взревел Джим Траверс, шаря вокруг себя огромными вспотевшими ручищами.

— Оставь его в покое, Людоед! — Негромкий, но звучный голос прорезал темноту. Он требовал настойчиво и непреклонно, хоть и не угрожал, и тот, кого с презрительной насмешкой называли попросту Цыпленком, почувствовал, как человек, прикрывший его собой, напрягся всем своим упругим, мускулистым телом, приготовившись к удару.

Остальные, затаив дыханье, ожидали, что же перевесит в этой схватке: грубая сила или мужество? Закон в тюрьме таков же, как и за ее стенами: повелевает победитель, а те, что послабее, присоединяются к нему.

— Какого черта! — Людоед резко выбросил руку навстречу противнику, точно собираясь зажать ему рот, но его кулак с размаху обрушился на стену.

— Держись подальше от меня, защитник слабовольных: я в порошок тебя сотру!

— Не забывай, что мы не звери, хоть и в клетке, — осадил его все тот же голос, и в камере повисла тишина. Слышно было только бряцанье железной цепи.

Траверс язвительно хмыкнул, но его мощная рука больше не поднялась, как будто энергия гиганта, наконец, иссякла. А может эти сказанные с достоинством слова внезапно отрезвили его помутившийся от ярости рассудок? Порою не оружие и не физическое превосходство заставляют подчиняться дикие натуры. Джим Траверс мог бороться насмерть с себе подобными и мучить слабых, но этот неизвестный, противоречивший ему, единственным оружием которого в кромешной тьме был его голос, не поддавался власти грубой силы. Так тигра укрощает воля, чуждая жестокости. Вместо ответного удара кто-то вдруг без тени страха напомнил Людоеду, что он — человек.

— Если жалеешь этого мальчишку, так посади его к себе на плечи!
— огрызнулся Траверс, прекрасно сознавая, что высота их камеры не позволяла подобной роскоши.

Остальные вздохнули свободнее, как будто кто-то отвел горящий факел от бочки с порохом. Двое или трое отозвались на шутку Людоеда услужливым смехом и притихли — на время. Те, кому посчастливилось оказаться возле двери, жадно потянулись к решетке.

Зажатый в самый угол карцера, уткнувшись в спину своего спасителя, Цыпленок так и не осмеливался пошевелиться. Его щека и руки касались грубой ткани, насквозь пропитанной какой-то липкой влагой, а ноздри щекотал солоновато-металлический соленый запах крови.

— Что это? — прошептал он бессознательно.

По телу под его ладонями пробежала болезненная дрожь. Можно было только догадываться, какие муки терпел при каждом толчке сокамерников этот человек с израненной спиной, вдобавок ко всему закованный в железо.

— Осторожнее, — сказал он только и слегка, насколько позволяло место, отодвинулся вперед.

Цыпленок силился припомнить, кому принадлежал этот глубокий, твердый голос, в звучании которого заключался упорный и непреклонный характер говорившего, но не мог. Мужество, перед которым отступил даже такой отъявленный преступник, как Джим Траверс, переполняло его сердце горячей благодарностью. Но он боялся произнести хоть слово: остальные узники с обострившимся во мраке слухом уловили бы даже легкий шепот. Однако темнота скрывала его движения. Юноша отыскал наощупь руку, с которой свешивалась цепь, и крепко пожал ее.

Чернота тупика представлялась бесконечностью, поглотившей чудовище, совсем недавно бесновавшееся здесь... Но внезапно, разрушив иллюзию, где-то рядом послышалось угрожающее бормотание Людоеда:

— Сегодня я уступил тебе, но знай: это в последний раз... Бенджамин Баркер!

* **До XX века рудниками называли также угольные шахты.**

Дорогие читатели, если вам понравилось, вы можете прочесть роман полностью вот здесь:

<http://parnasse.ru/prose/large/romance/vopreki-vsemu-roman-o-suini-tode.html>